

ЮАНА
ФОКС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЛУЧОК

18+

ЗАЧЕМ РУСАЛКЕ САПОГИ?..

Юана Фокс

Лучок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66564108

SelfPub; 2021

Аннотация

Тёма приехал в родную деревеньку повидать деда. Лето и жара заманили мальчишку в озеро. А там бабка какая-то, дачница, что ли? Только чего это она совсем голая? И зачем строго потребовала, чтобы парнишка принёс ей дедовы сапоги? Эх, Тёма-тетёма, зачем только ты ее послушался? Не избежать вам с дедом теперь беды!

Содержит нецензурную брань.

Юана Фокс

Лучок

Электричка помахала Артёму хвостом и унеслась в свой призрачный драконий мир за дальними далями. Парнишка даже не оглянулся на протяжный вой. Он спрыгнул с перрона и улыбнулся косому от времени указателю «Романовка», как родному.

Романовка... в этом слове звенят натянутые солнечные струны, и кузнечики орут, как сумасшедшие, и тёплое козье молоко разливается по кружкам, и хлеба подсолненного ломоть, и яблоки кислые, зелёные, самые вкусные на свете! Бабочки разлетаются веселыми брызгами, стоит только запырнуть в ароматную дымку полевых цветов! А ещё – россыпь звёзд, неведомых, волшебных, усыпавших тёмное бесконечное полотно, будто дикая небесная земляника. И дед лежит рядом, на горячем шифере крыши, чертит грубой-ласковой рукой линии: созвездие Орла, Гончих Псов, Большая медведица... «Мама твоя тоже любила маленькая вот тут лежать», – вздыхал дед, и Артём зажмуривался, чтобы не заплакать. Всё это – когда-то давно, а сейчас мальчишка шагал через высокую траву, напевая легкомысленную чушь, подхваченную, как ветрянка, через радио. Жмурился, стараясь не тонуть в горьких мыслях.

Мама... Дедова дочь. Утонула она. Самым идиотским

способом. Захлебнулась чаем, и никого рядом не было постучать промеж лопаток, вытряхнуть воду из дыхательных путей. Как же странно и зло природа пошутила, разместив в теле настолько враждующие между собой части! Восьмилетнего тогда Тёму это открытие поразило до самых тайных и ледяных закоулочков души. Он передумал становиться доктором. Даже набор свой игрушечный выкинул – тот только против плюшевых болезней был хорош, а с реальностью не справился даже настоящий врач. Наверяд ли человеку подвластна эта коварная сила, и всё, что врачи могут на самом деле – беспомощно ковыряться в ужасе перед этой мрачной бездной, называемой Смерть!

Со своим сиротством Тёма ещё сильнее прикипел к деду – он и раньше был родным и добрым великаном, но теперь... Теперь дед – это всё, что осталось от мамы. С отцом у Артёма никогда не ладилось, холодный он и закрытый человек, да попросту сухарь чёрствый. Мальчик его боялся и не любил, отец к нему как будто вообще ничего особого не испытывал. Мама служила им отважным единственным связным. Тёма понимал, что маму отец любит... любил, вернее. И наверное, ему было бы проще без живой, лопочущей помехи между ними.

Из родительского мира, разрезанного на половины – холодную со стороны папы и горячую по мамину сторону, мальчишка всегда охотно сбегал к деду. Уж тут его никто не мучил своим сухим, колючим «угу» на неуклюжие попытки

сблизиться. Особенно с тех пор, как дед решил уехать из города в деревню, Тёму вообще за уши было не вытащить, он даже добрый кусок сентября мог поотлынивать от школы под мощным, упоительно надёжным крылом деда.

Скрипнула косая калитка, и сердце парня скрипнуло в ответ. Сдаёт старик... Едва заметными трещинками пошло его добротное хозяйство. И почему он не женился после бабушки? Тёма едва помнил её. Остался только смутный хлебный запах русых волос и козье-молочный грубый аромат передника. Кажется, рука у бабы Тоси была лёгкая и ласковая, если Тёме это не приснилось. Как она гладила его по голове и что-то приговарила об озёрной воде. Волоски шевельнулись на затылке, будто было в её напутствиях что-то страшное. Наверное, запрещала ему в одиночку купаться бегать. Эх, баб Тося, сейчас бы твоему старичку – нашему старичку, пригодился бы женский пригляд! Чего он тут один доживает и в город ни в какую не хочет, отпирается – здесь помру, и точка! Упрямый он, дед! Силища!

– Дед, ты дома? – радостно крикнул Артём в приоткрытую дверь и с наслаждением вдохнул тёплый, родной дух дедова дома. Прозвенела сонная муха да где-то мекнула коза.

– Дед? – крикнул парень погромче. Дед не отвечал, видать, на огороде или в хлеву дела творит.

Косые лучи делили сенцы на полоски. В воздухе кружилась золочёная пыль. Артём сбросил тесные новые кроссовки и с удовольствием прошёлся босыми ногами по тёплым

скрипучим доскам.

Вот это – его настоящий дом! Большой, добротный, истинный! Любимые деревенские хоромы! Тёма потянулся и почти упёрся в потолок. Он опустил руки и покатал горчинку во рту. Со временем дом как будто съёжился. Тёма, конечно, понимал, что это не дом сдал, а он сам попросту вырос. Пацанёнком ему тут было просторно, как в замке! Дом был как целый мир, окружённый морем: зелёным и беспокойным – летом, белым и штормовым – зимой. Сенцы были предгорьем, полным таинственных существ, что шуршат, вздыхают и настороженно следят за тобой из каждого тёмного угла. Зал – роскошной тронной залой короля, деда Миши, а сам Тёма – славным рыцарем, которому дозволено запрыгивать на королевские колени без приглашения. И орать, и носиться сломя голову через слабо освещённую, мрачную прихожку в кухню, а оттуда пробираться с фонариком в хлев, к рогатым страшилищам. Козы были безобидные, небодучие, чуточку вредливые.

Но Тёме, конечно, представлялось, что хлев – логово нечистой силы, полное опасных расщелин и пещер... Он, ловкий и незамеченный, подкрадывался к огнедышащим коварным тварям, держа наготове свой верный меч Зарубай, в голове его зрел хитрый и отчаянный план! Победа была у него в кармане, он даже успел сочинить речь, с которой выложит перед изумлённой толпой других рыцарей-недотёп головы поверженных врагов, держа их за рога! И все бы аха-

ли и восхищались, когда бы дед не помешал! Вошёл с ведром комбикорма и как гаркнет: «Да ты не таись, они не бо-даются!» Пришлось драконов не рубить мечом, а приручать хлебушком. Добрую часть горбушки, конечно, Тёма слопал сам, а остатки собрали тёплыми, бархатными губами Минька да Ветка. Эх, были времена! А какая была еда! Дед потрясающе готовил, даже бабушку отгонял от печи, мол, сам! И наверняка это полотенце на столе скрывает горку чего-то офигенного!

– Ух ты, пироги! – подпрыгнул Тёма и ухватил со стола пышный кус. С наслаждением втянул сытный дух и, откусив большой кусок, застонал от удовольствия. – Вау, и квасок!

Никто в мире не умел делать такой восхитительный, в меру кислый, в самую тютельку сладкий, ювелирно точно настоянный квас!

– Дед, ты просто космос! – восхищённо протянул Те-ма, наливая себе полную кружку. Набитый от души жи-вот неумолимо потянул на продавленный, старенький диван. Но Тёме не терпелось повидаться с озером. Вода-то нын-че, небось, самое парное молоко! Ну хоть лицо ополоснуть, вдохнуть густой озёрный дух!

Да, Тёму тяготило, как едва уловимо мрачнел дед над каж-дым ведром озёрной воды, которой наполнял железный ба-чок в бане. Но то не Тёмина беда, что поделать, у каждого своя печаль... Озеро не виновато, что бабуля поскользнулась в бане и расшибла голову. Той самой водой отмывали дед с

мамой пол и полок...

Ай, да чего это всё на мрачняк тянет? Воздух-то какой! «Мёд-пиво пил», – подумал Тема, то ли к месту, то ли нет, и, тряхнув головой, помчался к озеру. Сам про себя он называл его «Рыцарским», но на самом деле никакого имени у озера не было. Так, озеро и озеро! Вот оно, родненькое, улыбается ему, и такой плывёт солнечный, свежий, неповторимый аромат! Цветущие кувшинки кивают головами, лягушки деловито собираются на воде, солнце медленно клонится в сумерки, ещё не вечер, но уже не день! Самое кайфовое времечко на поплавать!

Тёма на ходу сорвал с себя одёжку, побросал на траву и в чём мать родила бултыхнулся в зелёный травяной настой, целебный и густой. Блаженство невероятное! Поплескавшись от души, мальчишка растянулся на спине и закрыл глаза. Вода заполнила уши, укутала тишиной и безмятежностью... Артём едва не задремал, как вдруг сквозь толстое тёплое одеяло воды он ощутил, что рядом кто-то плавает. Огромная рыбина?! Нет, здесь нет таких рыб! Парень всполошился, перевернулся на живот и во все глаза уставился на бабку. Или тётку, как её поймёшь, когда она вся под водой, только мокрая голова торчит. Плывёт себе степенно, длинные тёмные с серебром волосы колышутся как водоросли.

– Фу ты, чёрт, – пробормотал Тема, отплёвываясь.

– Нету здесь таких, – спокойно, не глядя на него, будто сама себе сказала женщина. – Лягухи одни да я!

А голос вроде не старушечий. Глубокий и такой... величавый, что ли? Такими Тёма представлял себе голоса настоящий королев из сказок.

– Эм-м-м, здрасти! – промычал парнишка, как дурак плясь на царственную голову.

– Ну здрасти! – в тон ему ехидно ответила старуха. Тёма сморгнул. То вроде как молодая, лет, может, сорок, а то – древняя бабуся. Вода, что ли, бликует? Надо бы на берег выбираться!

– Хорошо, что приехал, малой! – кивнула женщина. Тёма решил, что лучше обозначать её «женщина», оно же в любом возрасте годится, так?

– Давай-ка к берегу, потолковать мне с тобой надо!

– Э, ну это... ладно... – неуверенно проскрипел Артём и поплыл в указанном направлении. Уже у берега он сообразил, что трусы-то в траве остались! Смущённый пацан залился краской. Хорошо, что солнце уже клонилось на покой, а прибрежная кромка заросла стеной камыша – может, как-то проскользнуть удастся? А женщина, будто прочитав его мыслишки, холодно отвернулась. Артём чуток помялся, но она глянула на него так, что он махом выскочил из воды и, прикрываясь, как последний лошпед, нашарил в траве труселя, запутался, чуть не упал, чертыхаясь, кое-как влез в липнущие к мокрому телу джинсы.

– Да бросай ты чертыхаться-то, говорят тебе – нет тут таких, одна я! – зло одёрнула его бабуся. Она по-прежнему сто-

яла по грудь в воде. К своему ужасу, Тёма сообразил, что она тоже совершенно голая! «Ох, только бы... она... не...»

– Да не выйду я, не бойся! – рассмеялась женщина. Тёма чуть не сгорел в прохладных сумерках, едва не рассыпался горячим прахом от стыда.

– Да я... не... ну, не это... вы не подумайте! – залепетал он, пряча глаза.

– Эй, голову подыми! – прикрикнула женщина. – Да слушай! Времени у меня на тебя нету, и у деда твоего маловато оно осталось!

Тёму от этих слов бросило из жара в холод. Он поднял голову и растерянно заморгал.

– Ты ведь этого старого олуха внук, того, чьи козы по берегу пасутся, так?

– Д-да, – выдавил Тёма. Водяная сырость вдруг стала ужасно неприятна, за шиворот пробирался страх. «Бежать надо, вот что!» – подумал он, но не шелохнулся. А женщина продолжала:

– Как ты звать, рыбий хвостик?

– Тё... Тёма, Артём!

– Ну вот и славно! – оживилась вдруг бабка. – Тёма-тетёма, молодец ты, Тёма, имя назвал, теперь не ослушаешься!

Она выпростала руку из воды и повелительно протянула её в сторону пацана. Тот дёрнулся было, но понял, что сама бабка осталась стоять, где стояла, выпрыгивать из воды и хватать его за горло она не собирается!

– Пойди, Тёма, к своему деду да принеси мне его сапоги!

– А это... – проскрипел Тёма, сам не понимая, что собирается сказать. – А вам зачем? – пискнул он и осёкся. Как его рот сам по себе это выдал?

– Не твоё дело, щучье отродье! – повысила голос бабка. – Делай что сказано! Да смотри, ночью сюда не являйся, не вашего роду это время, и деду ничего не говори! Хоть одно слово, и я до тебя доберусь, заплатишься за дедуленьку, как сестра твоя!

Артём остолбенел. Всё, что он знал про свою старшую сестру – что она в возрасте трёх лет опрокинула на себя кастрюлю кипящей воды, летом, когда отключали центральное отопление. Мама как раз собиралась ребёнка помыть в этой самой воде. Спасти Марианну не удалось. Тёма видел её только на фотографиях, самая яркая из которых была прибита к могильной плите...

– А вы откуда знаете? – чуть слышно прошептал он, пугая самого себя до онемения.

– А ты у бабушки своего любимого спроси! Так и скажи, мол, что же ты, дед, баб-то обижаешь? Да нет, шучу я! – вдруг переменяла гневный тон старуха на простой и почти ласковый. Улыбка сморщила её породистое лицо, она заговорщицки подмигнула: – Ничего ему не говори, ага? А завтра с утра тащи мне сапоги! Тут вот ждать тебя буду, разбойник ты эдакий!

И она тепло рассмеялась. Но почему-то от смеха этого Тё-

му продрало морозом вдоль позвоночника. А он-то думал уже, что и правда бояться нечего.

– Ну а теперь беги давай, дед тебя заждался, небось!

– Ага! – выдохнул Тёма и, кивнув как китайский болван, развернулся и понёсся прочь. Прочь! Показалось ли ему, что когда он обернулся на бегу, бабка нырнула, а над водой мелькнул здоровенный рыбий хвост?..

Дед курил на крыльце, козы крутились рядышком – ловили кольца дыма, шутливо бодались друг с другом.

– Ну чего ты так долго-то, я уж чуть искать тебя не пошёл! – ухмыльнулся дед в роскошные усы. Мокрый и вздрюченный Тёма ловил ртом воздух и бестолково махал руками, пытаясь что-то сказать и сам себе мешая. Взгляд зацепился за босые ноги деда.

– Дед, а чё ты без сапог-то? – выпалил Тёма, как дурак.

– Ну здрасти и тебе, Артемий! – важно кивнул дед и, не удержавшись, рассмеялся густым, душевным смехом. Тёма вдохнул пряный, едкий аромат табака и рассмеялся в ответ. Дед встал и протянул руки, Артём с радостью прижался к нему, тёплому, пахнущему потом, табаком, козьим молоком, душистыми травами и пылью. Тёма снова был маленьким. Он был дома!

В прохладной летней полутьме беспокойной и живой ночи Тёма всё тарачил глаза и никак не мог уснуть. То комар прицепится. То сова в саду заорёт. Мальчишкой Тёма ужасно боялся сов и всё никак не мог понять – чего они ищут у

деда в саду? Чего им тут всем надо?

– Мыши, – коротко объяснял дед и глядел так, что ясно было – не приставай с ерундой, деду некогда!

– Мыши, – повторил шёпотом Тема и повернулся на бок.

Одеяло давило, под ним было жарко, а сбросишь – холодно. Поискать покрывалко какое? Деда тревожить жалко... но блин, так всю ночь промаешься! Парень наконец решил. Осторожно, стараясь не шуметь, выпростался из постели и двинулся к комоду у окна. Здесь он мог передвигаться не то что с закрытыми глазами, а даже и без сознания, с лабораторной точностью вдел бы нитку в иголку! Тема уже потянулся открыть старенький, обшарпанный комод, как за окном мелькнула чья-то тень. В окно на Тёму глядело белое как смерть лицо! Паренёк замер.

Медленно, медленно, как под водой, он поднял глаза. Фух! Пусто. Только что это за пятно? Парень бесшумно приблизился и всмотрелся. На стекле чётко проступали следы грязи. Расплывчатые линии, будто ребёнок нарисовал... сапог. Тёма съёжился и сунул палец в рот, чтоб не заорать. А он уж обольстился, что бабка ему приснилась, когда он задремал на воде, разморился на солнце! Ну а если и была бабка – так какая-то дачница сумасшедшая. В любом случае ерунда, нечего тут и париться! Но блин, а это тогда что?!

Он укусил себя за палец в надежде проснуться от боли. Но ничего не изменилось. Вот комод. Вот босые ноги на тёмном полу. Вот занавески приоткрытые. А вот и знак, послание

для него, Тёмы: не забудь, мол, я жду, обещал, уговор у нас!

– Дед, – позвал Тёма дрожащим, еле слышным голосочком. Дед в ответ только всхрапнул.

– Деда! – позвал Тёма снова и едва удержался, чтобы не влезть под одеяло, под родной, самый надёжный в мире бок! Хотелось плакать, ноги дрожали от ужаса и беспомощности. «Не реви, Лучок, чё как махонький?» – говорил ему дед, когда ребятёнком Артёмка расшибал коленки или козы отбирали кусок хлеба с вареньем. Внучок-Лучок получал новый кусок хлебушка, ещё щедрее и богаче смазанный вареньем из лесных ягод, дед гладил его по голове шершавой большой рукой, и солнце светило снова, и мир опять был прекрасным и заботливым местом!

– А?! – вскинулся вдруг дед. Поглядел на замершего в нелепой позе на одной ноге внука, сел на кровати.

– Ты чего не спишь, Лучок?

– Да я это... ну... на двор ходил! – соврал Тёма и боязливо покосился на окно. Никакого грязного сапога там уже не было. Вот те раз! Приснилось! Какое счастье, господи! Тёма облегчённо выдохнул и шмыгнул под одеяло. Оно уже не казалось таким душным. Наоборот, как же хорошо в нём спрятаться, как в нору!

– А, ну спи тогда! – пробормотал дед и улёгся к внуку спиной. Тёма уставился в потолок. Тени от занавесок играли в причудливые игры, сплетались в таинственные узоры.

– Дед, а ты в русалок веришь? —не удержался Тёма, бла-

женно улыбаясь во весь рот. Спать совсем расхотелось.

– А чё в них верить, верь не верь – всё одно, – туманно проворчал дед.

– А-а-а, – в тон ему ответил Тёма. – Ну ладно!

– А ты чё спросил-то вдруг?

– Да так, сёдне вон, на озере, бабка одна купалась рядом, дак похожа прям, прикинь!

– Да не, в нашем озере отродясь нечисти не водится, рыба одна! – буднично протянул дед. Тёма вопросительно хмыкнул, мол, откуда знаешь?

– Кабы были, я б уж знал! – уверенно ответил дед, и Лучок согласно кивнул в темноте. Это уж точно! Дед тут вообще всё знает, каждую заваливающую сову в саду, каждую мышь в подполе! Ну а раз так, то поспать ничего не мешает. И парень уплыл в сладкую дрёму.

– Бека, бека, бебека!

Где-то на дворе дед играл с козами. Тёма распахнул глаза, будто вовсе и не спал, вслушиваясь в его тёплый голос:

– Ну, чего ты, бека? Бе, говоришь? Бе ты моя, ме ты моя!

Дверь осталась нараспашку, и рассветная прохлада так славно разливалась по избе! Если бы ещё не... Тёма охнул и боязливо покосился на окно. Первые солнечные лучи неумолимо прорисовывали остатки грязного рисунка. Сапог. Чёрт... «Да нету тут его, одна я!» Пацан натянул повыше одеяло. С кем или с чем, простодырый ты дурак, связался? «А что, если остаться тут, просто спрятаться, не выходить из

дома, а?! – наивно рассудил Тёма и сам себе обрадовался: – Ведь если ночью та... ну, кто оставил тут знак, в дом войти не смогла, и бабка просила сапоги, значит, не могут они войти, пока не зовут, как вампиры?»

Но каким-то древним чутьём он понимал, что должен. Просто должен и всё. А что будет, если послушаться... лучше не узнавать. Тёма безнадёжно ощущал, как мир, который он полагал законченным и цельным, вдруг показал свою изнанку. Будто строил замок в песочнице, ковырнул лопаткой и уткнулся в спину чёрного колючего чудовища. Бежать? Куда... Тёма зажмурился и спустил ноги с кровати. Надо только с дедом не столкнуться! Спросит: «Далеко ли, Лучок?» И от этого Лучок не сможет соврать. Это ключ, тайный код деда к самой Тёминой душе.

Лучок осторожно высунулся во двор. Деда не видать. А сапоги? Только бы не обул, только бы не обул! Нет, дед, вероятно, как обычно босиком с козами тусует. Ну или в галошах, не важно это. Сапоги вальяжно развалились на крыльце, как ленивые коты. Тёма схватил их и чуть не выскочил со двора как был – в одних трусах. Вернулся было в дом, заметался, один сапог с грохотом упал, парнишка подхватил его и, плюнув на всё, выскочил на двор. Метнулся до калитки, дед что-то крикнул ему вслед, но Лучок не обернулся.

Сердце колотилось и толкало по тропинке к озеру! Сейчас, вот сейчас всё и закончится! И страшная трещина в мироздании сойдётся, так что никто ничего не заметит, главное

– успеть вовремя, пока не стало поздно! Тёма чуть не влетел в воду, едва успел остановиться на скользком краю бережка. Тёплое марево поднималось от воды. Золотые, с изумрудными жилками, стрекозы кружились над камышами. И никого... Тёма беспокойно озираясь, топтался в росяной траве. «А ну как не появится?! А я тут как лошара лягухам на помешнице в одних трусах!»

– Чего стоишь столбом, сюда давай! – проворчал недовольный бабкин голос, и Тёма чуть не перекрестился сапогом.

Бабка или, скорее, женщина, неприветливо глядела на мальчишку из высоких камышей. Кабы они пониже были... уф, страшно подумать! Опять она тут голая совсем! Тёма, старательно глядя куда-то в воду, робко сделал два шажочка, протягивая бабке, что просила. Она высунулась почти вся, и мальчишка стыдливо зажмурился. Женщина с хищным свистом сквозь зубы вырвала у него из рук сапоги и затихла.

Лучок ещё постоял жмурый, для приличия. Тишина напрягала. Чего она молчит-то? Парень осторожно открыл глаза, собираясь чего-нибудь сказать, а то ж неловко как! Но бабка... исчезла? Камыши сомкнулись, ни один не погнулся, не сломался. Тёма подошёл поближе, заглянул в заросли. Никого. Только стрекозы играют да мушки мелкие мельтешат.

– Эх, чтоб тебя! – проворчал он на манер деда и деловито сплюнул в камыши, храбрясь. Подумал было, а не иску-

паться ли? Водичка-то сейчас чисто молоко! Но это только с виду, а где-то под водой – вздорная старуха машет своим рыбьим хвостом! Э нет, бежать, бежать со всех ног! К деду, к козам, к чёрту сивому, только бы отсюда подальше! С горечью и ужасом Лучок осознал, что больше никогда это озеро не будет для него родным.

– Ну что, скупнулся?

У калитки курил дед. Глаза его хитро и ласково щурились. Тёма только кивнул. В горле щекотали вопросы, которые лучше не задавать. Не задавать и точка!

– Ну иди кваску попей, свежий подошёл! – кивнул дед и плевком затушил папиросный окурочок. Тёма сумрачно покосился на его босые ноги. А на кой той старой ведьме сапоги-то?!

– Бля... – не хотел Лучок, да как-то само вырвалось.

– Чего? – повернулся к нему дед. Но Тёма уже забежал в дом. Свежий сладкий квас горчиал. «Что же я, лошара, понаделал?»

Дед на дворе загремел вёдрами, насвистывая какое-то ретро.

– Лучок! – позвал он, и Тёма застыл, будто его холодным ремнём по спине вытянули. Горячая печка летнего дня раздухарилась, а он дрожал, как осина. От того ли, что всё ещё стоял в одних трусах в прохладной избе, или просто жуткая бабка не шла из головы?

– Чего, дед? – крикнул парнишка, и голос нервно дрогнул.

– Баню хочешь? А что, я пойду воду озёрную таскать!

«Не ходи, деда, не ходи, там неведомая бабка!» – хотелось крикнуть в ответ, а ещё лучше – выскочить и схватить деда за ноги – не пущу!

Эх, был бы маленький, так бы и сделал, и дед бы присел на корточки, сказал бы: «Не пойду, не пойду, только не реви!» Добрый он, дед, мягкий! А Лучок своими руками какую-то дрянь ему устроил и даже не дотумкал сразу, что надо было эту бабку нах послать, пусть со своим хвостом к чертям подводным катится! Но вместо этого Тёма торопливо натянул одёжки и, высунувшись в окно, невнятно промычал: «Угу». Дед принял мычанье за согласие и, не спеша подхватив два больших ведра, степенно вышел со двора. Тёма с отчаянием проводил его глазами. Калитка захлопнулась, будто отрезая внука от деда железной стеной.

– погоди, дед! – крикнул Тёма, но голос вдруг осип, прозвучало жалко, старик не услышал. Лучка приморозило к полу. Мысленно он нёсся вслед за дедом, хватал его за руки, и ворочал назад, но в реальности даже не шелохнулся. Будто в паутину замотало и злая сила тянет из него всю кровь, нет мочи двинуть ни рукой, ни ногой! Тяжелые мгновения падали и растекались по доскам пола, как расплавленный воск свечи.

Тёма всё стоял и стоял, и сердце выстукивало – поздно, позд-но! Наконец запоздалый озлобленный комар впился Артёму в шею, как цыганской иглой проткнул! Мальчиш-

ка дёрнулся и сорвался с места. Он вывалился прямо в окно, ушибся плечом, поцарапал скулу и помчался, не разбирая дороги, к озеру! Вёдра одиноко стоят на берегу, а деда нет, его утащила злая бабка под воду! Мёртвый, бездыханный лежит, изо рта кровь вперемешку с водой течёт! Старуха голая склонилась над дедом и пьёт его кровь!

– Дед! – заорал Тёма и чуть не сшиб старика, мирно бредущего с полными бадьями.

– Ага, я это! – проворчал дед, усмехаясь в седые усы. – Помочь, что ль, невтерпёж? Ну на-ка, возьми одно!

– Не, дед, ты мне оба давай! – выпалил счастливый Лучок. Бред это всё, уф, какое счастье! Хоть бы и была та бабка, да взяла, что хотела и больше не вылезет!

– Правда же, дед?

– Чего правда?

– Ну вообще, в принципе!

Дед и внук переглянулись и рассмеялись. И не было никого ближе и роднее в целом свете!

Тёма, на радостях, что всё так хорошо закончилось, прополл деду весь огород! А это, между прочим, целых десять соток, плотно засаженных картохой, помидорами да капустой. Мальчишка с гордостью оглядел свои уголья. Солнце уже собралось на бочок, когда Тёма наконец отложил мотыгу. Тело приятно ломило, и уже готова банька! И дед может в бачке для полива миску спелых ягод! В жизни лучше ничего не придумать! Так хотелось обнять любимого стари-

ка, сказать ему вот это всё, да как? Слова все – глупость и мелкий песок, ссыпаются с языка и ничего не выражают так, как надо!

– Закончу школу и уеду из города! – сказал Тёма, и в носу защипало. – Буду тут с тобой коз пасти, огурцы на зиму закатывать!

Дед только кивнул. Чего тут скажешь? Им давно без слов всё ясно было...

– Ты ешь, а я пойду в первый пар! – тихо проговорил старик, и Тёме показалось, что он втихаря смахнул слезу.

Дед любил париться сильно, устраивал в парилке чистый ад! Потому шёл всегда первым, а Лучок уж попозже, при открытых дверях. Позорненько, конечно, но

терпежа у него не хватало, да и дед над ним не смеялся никогда. Так что Тёма растянулся в сенцах на потрёпанном диване и уткнулся в телефон. Связь была плохая, но книжку тянула.

Читканув страничек пять, Лучок с наслаждением потянулся и, насвистывая, собрал чистые шмотки, перекинул через плечо полотенце и, приплясывая, потопал к бане. Дверь предбанника была приоткрыта, и мальчишка уже потянулся было войти, но остановился. Ему показалось... Да нет, не показалось! Дед говорил там с женщиной! Тихо, вполголоса, виновато бормотал чего-то, а невидимая гостья ему отвечала. Артём застыл, вслушиваясь. Противные мурашки побежали по спине толпой голодных блох. Бабка! Это её голос.

Нашла...

Тёма едва дыша подобрался на носочках поближе и в щель между досками предбанника заглянул внутрь. Во влажной полутьме он разглядел деда. Раскрасневшийся в парилке тот сидел, прикрывшись полотенцем ниже пояса, а перед ним стояла та самая старуха. Голая и в сапогах. Тёма задушил крик и вслушался. Грохот сердца оглушал, но страх затачивал слух, как точилка карандаш:

– Ты прости меня, Маняша, я ведь не хотел...

– Ага, теперь я тебе Маняша, а тогда – хлобысь, никто и звать никак!

– Я же не знал, Маняш...

– Да ты погоди виноватиться! Не надо мне оно, я уж своё взяла!

– Маняш, да как же...

– Да вот так!

– Маня, я ж тебя искал, думал, хоть объяснимся...

Бабка только саркастически хмыкнула:

– Врёшь, сама я тебя нашла! Дождалась, слава те, матушка Луна, мальчонка твой дурачок совсем!

– Лучка не трожь, не впутывай! – сурово отрезал дед, и Тёма улыбнулся – мой дед, силища! В обиду ни за что не даст!

– И имя мне своё назвал, плохо ты его учил, – гнула своё бабка: – Велела я ему сапоги твои мне притащить, чтобы я на берег выйти сама могла. Хороший мальчонка, внучок-то

твой! А мог бы и моим быть, кабы ты слово своё сдержал! – возвысила голос бабка. – Жениться кто обещал, не ты ли?!

– Да выпимши я был, Маня, выпимши, как ты не поймёшь-то?! – отчаянно и жалко закричал дед. – Ну кто мы были – школота, студентики на практике! Я ж думал, ты мне вообще спьяну померещилась, ну чего ты прицепилась-то? Какая же, к собачьим чертям, баба с хвостом, а?! Русалка, тьфу! Кому расскажи – не поверит! Мало ли что бухой человек нагородит, с хрена ли ты меня послушала, а? Ну прости меня, вот я виноватуюсь перед тобой, ну что теперь-то, а?

Дед замолчал и трясущейся рукой утёр глаза. Старуха смотрела куда-то в сторону. Молчала. Наконец пожала плечами и ледяным голосом сказала:

– Да я простила уж, Мишенька, ты не виноваться! Я своё уж взяла, довольно тебя наказала!

И было в её голосе что-то невыносимое... Лучок застыл, безнадежно мечтая исчезнуть, провалиться в тартарары, упасть в свою кровать, и пусть бы всё оказалось по-прежнему!

– Ты... ты про что это? – прохрипел дед, и Тёме будто зашиворот кипятка плеснули.

– Да жена твоя, и дочь, и внучка – три твоих «прости» для меня! Я же как для себя определила – вернёшься, трижды мне поклонись, трижды спасибо скажешь, тогда я уймусь! А ты не вернулся, Миша, я ждала-ждала, да сама всё взяла, что моё!

– Нет... нет, Маня, погоди! Чего ты меня-то не взяла, я ж тут, вот он я, а ты, значит... вот как! Девчонок моих всех побрала? Это всё ты...

Дед медленно поднялся и, весь трясясь, как разбитый параличом, шагнул к старухе, сжимая кулаки:

– Ах ты, гнида ты болотная, сволочь, сука-а-а! – завыл он и, согнувшись пополам, принялся колотить себя по голове. Тёма отшатнулся и сам не понял, как побежал со двора куда глаза глядят. Отчаянный, звериный дедов вой гнался за ним по пятам, стегал по хребту. Задыхаясь и отмахиваясь от гнусной мошкары, мальчишка поскользнулся на мокрой от росы траве, больно ударился головой. Он свернулся в комок и принялся колотить землю, как виноватую во всех его кошмарах:

– Господи, господи, твою мать, а, что же это, что же это?!

Когда уже не осталось сил, Лучок затих и, обняв колени, вздрагивал от болючих укусов комаров да сумеречной мошки. А может, показалось?... А может, это всё вообще сон? Лежит он, Тёма в своей кровати, придремал, пока дед первый пар гоняет? А вечерний сон – он самый дурной, дед не раз повторял, мол, не спи вечерами, душа отлетит и не вернётся! Что, если бред? А как проверить?

Тёма тяжело сел, огляделся. Прозрачный туман, как дедов табачный дым, расплзался по камышам. Над озером прокричала ночная птица. Как её? Забыл, у деда надо бы спросить! Сердце больно торкнулось о рёбра – дед! Тёма вскочил

и ломанулся сквозь камыши. Утки вспорхнули из-под ног, мальчишка зло проматерился им вслед. Тревога погнала его вдоль берега.

Ни старухи, ни деда нигде видно не было... На берегу остались только его сапоги. Опоздал...

Зачарованно, как во сне, медленно-медленно Лучок пошёл к кромке воды и, взяв сапоги, прижал их к себе.

– Дед? – едва слышно прошептал Тёма. Он отчаянно всматривался в спокойную, недвижимую озёрную воду. – Как же это?.. Как же это? – повторял мальчишка, и горячие слёзы жгли исцарапанные щёки.

Это что же, старуха деда... утопила?! А он, Тёма-тетёма, лошара и трус, вместо того чтобы ему помочь, отбить родного человека от поганой нечисти, в кустах отлеживался? Госпо-ди... да как же жить-то теперь? Единственного, родного деда отдал!

– Недогляде-е-е-ел, я, деда, дедушечка мой, да как так-то?! Что же делать теперь, а?! – отчаянно завыл Лучок, и вдруг чья-то тяжёлая рука легла ему на плечо.

Тёма замер, напряжился, готовый драться, когда голос деда, усталый и горький, проговорил:

– Пойдём домой, Лучок! Нечего тут, банька там остынет!

Тёма только молча кивнул и ещё сильнее вцепился в сапоги. Губы его дрожали от невысказанного ужаса, дед деликатно отвернулся и шаркающей стариковской походкой побрёл в сторону дома. Тёма засеменял за ним. По пути он оглянул-

ся, будто что-то дёрнуло. Но прикусив губу, пошагал за домом. Ему показалось, что на посеребрённой юным месяцем озёрной глади расплывается тёмная кровь.